

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК: 316.013, 316.42

JEL R58, Z13

DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-271-285

ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ¹

© М.В. Дубовик, Р.В. Губарев 2019

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия*

Цель статьи — на основе сравнительного анализа бюджетного и внебюджетного финансирования регионов в краткосрочном периоде оценить перспективы социального регионального развития России и выявить причины «разрывов». Инструментами анализа выступают прямые и косвенные показатели развития социального потенциала в региональном разрезе. Авторы используют такие агрегированные характеристики, как бюджетные и внебюджетное финансирование социальной политики в области демографии, уровня жизни населения; образования; здравоохранения, социальной защиты для оценки социальных возможностей регионов России. Данный метод позволяет объективно оценивать межрегиональное неравенство в России по рассматриваемым социальным индикаторам. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости усиления внимания региональных властей, соответствующих министерств и ведомств к социальной политике не только по количественным, но и качественным характеристикам. Анализ косвенных показателей показал, что недостаточное бюджетное финансирование социальной сферы субъектов РФ не является главной причиной региональных проблем. Важно обеспечить действенный мониторинг расходования бюджетных средств, усилить антикоррупционную борьбу, привлечь внимание и заинтересованность бизнеса и гражданского общества к развитию социального потенциала.

Ключевые слова: *социальная политика, региональные разрывы, социальный потенциал, социальный бюджет, финансирование социальной сферы.*

¹Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-010-0046 на тему «Совершенствование подходов к оценке социального развития регионов России с применением технологии нейросетевого моделирования».

VECTORS OF SOCIAL REGIONAL INEQUALITY IN RUSSIA

© M.V. Dubovik, R.V. Gubarev 2019

*Plekhanov Russian University of Economics (PRUE),
Moscow, Russia*

The objective of the articles to assess and forecast the prospects for Russia's social and regional development in the short term, based on a comparative analysis of budgetary and extra-budgetary financing of regions and identify the causes of "gaps". The analysis tools are direct and indirect indicators of the development of social potential in a regional context. The authors use such aggregated characteristics as budgetary and extra-budgetary financing of social policy in the field of demography, the standard of living of the population; education; health, social protection to assess the social capabilities of the regions of Russia. This method allows to assess inter-regional inequality in Russia objectively according to the social indicators under consideration. The results indicate the need to increase the attention of regional authorities, relevant ministries and departments to social policy, not only in quantitative but also qualitative characteristics. The analysis of indirect indicators showed that insufficient budget financing of the social sphere of the subjects of the Russian Federation is not the main cause of regional problems. It is important to ensure effective monitoring of budget spending, strengthen the anti-corruption struggle, attract the attention and interest of business and civil society to the development of social potential.

Key words: social policy, regional gaps, social potential, social budget, financing of social sphere.

Введение

В современном мире «отставание» России в области социальной политики от многих не только экономически развитых, но и развивающихся стран мира отмечается на разных уровнях. Чтобы преодолеть эти разрывы в развитии социального потенциала правительство страны использует различные меры социальной политики, основой которой в краткосрочной перспективе является реализация стратегических приоритетов в сфере повышения качества жизни населения, развития социальной инфраструктуры и человеческого капитала, установленных Указом Президента Российской Федерации [1]. Повышенное внимание уделяется вопросам улучшения демографической ситуации, развития здравоохранения, повышения качества образования, обеспечения жильем и создания комфортной городской среды, сохранения духовно-нравственных ценностей и культуры, реализации мероприятий по повышению оплаты труда, социальных выплат и поддержке нуждающихся, способствующих росту доходов граждан и сокращению уровня бедности. Проводимые государством меры по дальнейшему совершенствованию пенсионной системы нацелены на повышение ее долгосрочной устойчивости и рост размера пенсий в реальном выражении.

Особый акцент делается на региональных разрывах в уровне социального развития [2, 3]. Основная задача социальной политики заключает-

ся в помощи действительно нуждающимся. На приоритетность, необходимость адресности и расширения эффективных инструментов этой политики указывается в Послании Президента Федеральному собранию 2019 г [4].

Современная социальная политика нуждается в реформировании социальных институтов в связи изменениями отношений между отдельными гражданами, обществом, государством и бизнесом [5, 6,7]. Меняется содержание социального государства. Особое внимание обращается на социальное партнерство и социальные контракты, обсуждается проблема введения универсального базового дохода, обеспечение социальными продовольственными талонами. Последние меры отражают объективную необходимость поиска новых механизмов и инструментов социальной защиты, позволяющих усилить влияние социальной политики, повысить эффективность бюджетных расходов на социальную сферу [8]. Средние по стране статистические данные о социальных расходах не отражают в полной мере различия социального регионального ландшафта. Поэтому, на наш взгляд, для выявления в региональном разрезе «болевых точек» региональной социальной политики, целесообразно провести сравнительный анализ бюджетных социальных расходов на региональном уровне.

Социальный капитал. Теоретическая часть

Поскольку социальная политика ориентирована на развитие социального капитала, то ее эффективность целесообразно определить с помощью показателей, характеризующих его составляющие. Применительно к региону или территории аналогично. В научном сообществе не существует однозначного определения этой категории. Так, П. Бурдые считает, что социальный капитал – это сеть социальных связей и получаемых выгод. [9]. Дж. Коулман объединяет в понятие социальный капитал социальные контракты, нормы, обмены, доверие [10]. Р. Патнэм, суммирует предыдущие мнения и понимает под социальным капиталом «трехфакторную модель, включающую в себя нормы взаимности, доверие и социальные сети» [11]. Если человека рассматривать как вовлекаемого в определенных условиях в активную деятельность субъекта, то можно говорить о более широком понятии - «социальном потенциале». С разных сторон можно определять это понятие. Так, в философии это достигающая своей цели жизненная тенденция. Демографический аспект социального потенциала связан с населением с определенными качественными характеристиками необходимыми для социально-экономического развития определенной территории. В экономике с социальным потенциалом связана совокупность ресурсов, которыми располагает определенная социальная система и которая использует их с максимальным эффектом. Классификацию подходов для описания понятия «социальный потенциал», выделенных в [12], мы предлагаем укрупнить. Так деятельностный, ресурсный и отраслевой подходы можно объединить в экономический подход, структурно-функциональный объеди-

нить с системным подходом, факторный- с институциональным. Все эти подходы тесно взаимосвязаны между собой и не имеют четких границ, поскольку понятия «социальный потенциал», «социальный капитал», «человеческий капитал» и ряд схожих понятий также дополняют друг друга. Поэтому, для территории или региона говорить о социальном потенциале или общественном капитале следует в контексте общепринятых понятий «потенциал» и «капитал», адаптированных к социуму.

Методы и исходные данные

Объяснение проводимой социальной политики частично дает сравнительный анализ выделяемых на это направление бюджетных средств. Существует мнение о том, что социальная сфера - это «падчерица», которая постоянно финансируется по остаточному принципу. Следует понимать, что не только величина, но и структура, и эффективность бюджетных расходов оказывают влияние на экономику в целом, и на социальную сферу, в частности [13]. Согласно кейнсианской концепции, чем выше государственные расходы, тем больше мультипликативный эффект роста выпуска, тем больше государство может выделить средств на социальные нужды, на государственные трансферты, т. е. первичны госрасходы и вторичен экономический рост [14]. Противоположная точка зрения заключается в первичности роста ВВП и, как следствие, роста расходов. В любом случае, экономический рост сам по себе не имеет смысла, если он не нацелен на повышение благополучия общества и отдельных граждан.

О динамике «социальности» российского бюджета свидетельствуют изменение доля бюджетных расходов на социальную сферу (табл. 1,2).

В ряде стран ОЭСР доля бюджетных расходов в ВВП на социальную сферу сопоставима с российскими одноименными показателями [15]. При этом структура и эффективность этих расходов в развитых странах значительно отличается. Например, при примерно одинаковом уровне удельного веса бюджетных расходов на образование в России, в Австрии и Германии, доля государственных бюджетных расходов в России на здравоохранение почти в 2 раза ниже, чем в Великобритании и Нидерландах. Также существенно ниже удельный вес российского бюджета на социальную защиту населения по сравнению с Австрией, Германией, Данией и Швецией (табл. 3). Среднедушевые социальные расходы в России почти вдвое ниже, чем средние в странах ОЭСР. С другой стороны, по такому социальному показателю, как индекс уровня образования, Россия в 2018 г занимала 32 место из 189 стран. При этом у Германии индекс – 0,940 9 (1 место), у России – 0,832 (32 место), у Китая – 0,644 (108 место), у Нигера – 0,214 (189 место). То есть средний показатель сопоставим с развитыми странами (табл. 4). В то время, как другой усредненный показатель – рейтинг эффективности национальных систем образования – в 2018г. для России уже значительно ниже: 34 место из 50 стран. При этом Китай по этому рейтингу опережает Россию – 30 место (табл. 5).

Таблица 1

Расходы бюджетной системы Российской Федерации по разделам функциональной классификации, %

	2013		2014		2015		2016	
	в % к общему объему	% к ВВП	в % к общему объему	% к ВВП	в % к общему объему	% к ВВП	в % к общему объему	% к ВВП
	2013		2014		2015		2016	
Социальная политика	34,6	12,3	31,9	11,3	35,2	12,6	34,1	12,4
Здравоохранение	9,2	3,3	9,2	3,2	9,6	3,4	10,5	3,8
Образование	11,4	4,1	11,0	3,9	10,2	3,6	10,0	3,6
	2017		2018		2019		2020	
Социальная политика	37,1	13,1	36,0	12,2	33,7	11,6	34,7	12,0
Здравоохранение	8,7	3,1	9,6	3,3	10,0	3,5	10,3	3,6
Образование	10,1	3,5	10,4	3,5	10,5	3,6	10,4	3,6

Источник: <http://bujet.ru/upload/pdf/presentation-budget-2018.pdf>

Таблица 2

Структура расходов Федерального бюджета РФ на социальную сферу, 2017-2020 гг.

	2017	2018	2019	2020
Социальная политика:	5,092 трлн	4,703 трлн	4,728 трлн	4,866 трлн
в т ч				
– на пенсионное обеспечение	3,639 трлн	3,233 трлн	3,274 трлн	3,404 трлн
– на социальное обслуживание населения	12,121 млрд	15,689 млрд	16,073 млрд	16,579 млрд
– на социальное обеспечение населения	=	994,101 млрд	1,004 трлн	1,026 трлн
– прикладные научные исследования в области социальной политики	=	173,838 млн	174,834 млн	179,779 млн
– другие вопросы в области социальной политики	=	7,334 млрд	7,051 млрд	7,003 млрд
Здравоохранение	378,7 млрд	438,3 млрд	403,9 млрд	472,8 млрд
Образование		626,29	623,824	635,788

Источник: <http://bujet.ru/upload/pdf/presentation-budget-2018.pdf>

Таблица 3

Структура расходов государственного бюджета
по функциональному признаку, %, 2015 г.

Страна	Образование	Здравоохранение	Социальная защита
Россия	10,2	9,6	35,2
Австрия	9,6	15,5	42,0
Германия	9,6	16,3	43,2
Великобритания	12,0	17,8	38,4
Нидерланды	12,0	17,7	36,8
Словакия	9,9	4,5	48,1

Источник: Россия и страны — члены Европейского союза. 2013: стат. сб. М.: Росстат; 2013; http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_65/main.htm

Источник: Россия и страны мира. 2018: стат. сб. М.: Росстат; 2018. http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_65/Main.htm

Таблица 4

Рейтинг стран мира по индексу уровня образования (United Nations
Development Programme: Education Index) 2018 (из 189 стран)

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Германия	0.940
2	Австралия	0.929
3	Дания	0.920
12	Соединённые Штаты Америки	0.903
32	Россия	0.832
33	Сингапур	0.832
108	Китай	0.644
189	Нигер	0.214

Источник: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>

Таблица 5

Рейтинг эффективности национальных систем образования
Pearson: Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment 2016
(из 50 стран)

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Соединённые Штаты Америки	100
2	Швейцария	87.2
3	Дания	84.2
4	Великобритания	84.8
5	Швеция	82.2
30	Китай	51.8
34	Россия	49.1
50	Индонезия	36.9

Источник: <https://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment/info>

Еще более агрегированный показатель – индекс социального развития – свидетельствует о среднем положении России в области социального прогресса среди 146 стран (табл. 5). Индекс оценивает достижения каждой страны по шкале от 0 (наименьшая степень устойчивости) до 100 (наибольшая степень устойчивости) на основе полученных 50 индикаторов, которые затем объединяются в три основные группы. Эти группы формируются, исходя из шкалы потребностей человека, близкой к шкале А. Маслоу. Первая группа включает в основном потребности жизнеобеспечения и безопасности: питание, доступ к основной медицинской помощи, обеспечение жильём, доступ к одежде, электричеству и санитарным услугам, уровень личной безопасности. Вторая группа объединяет потребности, связанные с благополучием человека – доступ к базовым знаниям и уровень грамотности населения, доступ к информации и средствам коммуникации, уровень здравоохранения, экологическая устойчивость. В третьей группе сочетаются все для развития человека – уровень личных и гражданских свобод, обеспечение прав и возможностей человека принимать решения и реализовывать свой потенциал.

Сравнительный анализ динамики по каждому в отдельности и по группам из этих показателей позволяет построить прогноз социальной картины не только для страны в целом, но отдельных регионов.

Таблица 6

Рейтинг стран по уровню социального прогресса по индексу социального развития (100-0), 2018 г. Портер М. (из 146 стран)

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Норвегия	90.26
2	Исландия	90.24
3	Швейцария	89.97
4	Дания	89.96
5	Финляндия	89.77
6	Япония	89.74
7	Нидерланды	89.34
8	Люксембург	89.27
9	Германия	89.21
25	Соединённые Штаты Америки	84.78
60	Россия	70.16
87	Китай	64.57
100	Индия	56.26
146	Центрально-Африканская Республика	26.01

Источник: Рейтинг стран по уровню социального прогресса // URL: <https://gtmarket.ru/research/social-progress-index/info>

Россия, как любое государство с федеративным устройством, отличается значительной региональной неоднородностью. Она связана с различиями регионов по численности населения, географическому положению, наделенности природными богатствами объектами инфраструктуры и их разнообразию, институциональной среде и т.д. Неравномерность пространственного развития и региональное неравенство усугубляется наличием существенных межрегиональных «разрывов» в сфере государственного финансирования социального развития российских субъектов. Согласно данным региональной статистики, например, наблюдалась высокая степень дифференциации российских регионов по удельному весу расходов их консолидированных бюджетов на социальную политику. Так, значение этого показателя находилось в интервале от 6 до 23,1% в 2013 г., от 8,1 до 31,5% в 2014 г., от 6,4 до 22% в 2015 г. и, наконец, от 6,5 до 29,1% в 2016 г. [16].

В рамках исследования поставлена задача не только объективной характеристики и оценки, но и прогнозирования социального развития регионов России с помощью сравнительного анализа бюджетного и внебюджетного финансирования региональной социальной политики. Результаты оценки могут быть применены в рамках дифференцированного подхода к актуализации положений социальной политики любого субъекта РФ. Прогнозирование позволит определить необходимые направления изменения социальной политики региона страны с учетом обеспечения эффективности расходов.

Содержание исследования

Помимо межстрановых различий, российская ситуация осложняется наличием межрегиональных «разрывов» в сфере государственного финансирования российских субъектов в целом и их социального развития, в частности. По данным Минфина 2017 году число регионов с профицитом консолидированного бюджета было более чем в два раза меньше, чем в 2018-м, – 38, тогда как в 2006 году их насчитывалось 54. Минимальное число профицитных субъектов РФ было в 2013 году – 6 регионов. Топ-12 регионов – лидеров по профицитам консолидированных бюджетов возглавляют Дагестан и Севастополь [17, 18].

С целью сглаживания региональных разрывов с 2020 г. федеральная поддержка регионов увеличится. Так, на выполнение программы социальных контрактов планируется выделять ежегодно по 7 млрд рублей. Социальный контракт – это новый институт социальной поддержки, который состоит в контракте между государством и малоимущими семьями. Государство оказывает материальную помощь, а вторая сторона обязуется найти свое место в обществе, обучиться, трудоустроиться, открыть свое дело, совершенствовать подсобное хозяйство. Такой господдержкой смогут воспользоваться более 9 млн человек. Несмотря на масштабы бедности

в стране, поддержка соцконтрактов стала наименьшей статьёй расходов в подсчетах Минфина.

Социальная помощь малоимущим пенсионерам, у которых пенсии ниже прожиточного минимума за четыре года, составит 370 млрд руб. При этом суммы с течением времени будут распределены между 4 млн человек и будут сокращаться: в 2019-м 97,3 млрд рублей, в 2020 г. – 90 млрд, в 2021-м – 83 млрд, а затем – 99 млрд.

Пособие на первого ребенка повысят с 50 руб. до прожиточного минимума в том случае, если доход семьи составляет меньше двух прожиточных минимумов на человека. В 2019 г. на выплаты направят почти 48,6 млрд рублей, а с 2020 г. планируется выделить на 27 млрд больше с дальнейшим увеличением бюджетных затрат. Такое пособие будет выплачиваться, пока ребенку не исполнится полтора года, а рассчитывать на него смогут около 70% семей с детьми в этом возрасте.

Для многодетных семей в 2019 и 2020 гг. будет выделено на субсидирование льготной ставки по ипотеке в 6% (5% для жителей Дальнего Востока) около 10 млрд рублей, а затем в 2021 и 2022 гг. – 15 и 18 млрд соответственно семьям с двумя и более детьми. Выделенные из бюджета деньги пойдут банкам, участвующим в программе льготной ипотеки. Кроме того, почти 94 млрд. выделяют на субсидии, направляемые на погашение затрат на ипотеку семьям с детьми.

Почти в два раза повысят ежемесячное пособие по уходу за ребенком-инвалидом – с 5,5 тыс. до 10 тыс. рублей. В 2019-2020 годах это обойдется государству в 36 млрд рублей, а затем – 55 и 71 млрд рублей соответственно. Выплаты получают неработающие родители детей-инвалидов: их в России около 470 тыс. человек. Повышенные пособия они начнут получать уже с 1 июля 2019 года [19, 20].

Безусловно, все эти меры окажут положительное влияние на улучшение социального климата. Кроме того, эти меры следует рассматривать как электоральный ресурс в преддверии местных выборов в ряде регионов.

Важнейшей причиной региональных разрывов и региональной дифференциации в России является низкий уровень оплаты труда наемных работников и, как следствие, меньшие налоговые и социальные отчисления в бюджет и национальные внебюджетные фонды и, прежде всего, в Пенсионный фонд. По сравнению с развитыми странами Россия существенно отстает в оплате наемного труда. Так, например, в 2014 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников российских организаций была в 5,2; 5,3; 5,8; 6 и 6,6 раз ниже, чем во Франции, Германии, Австрии, Финляндии, Великобритании и Нидерландах соответственно [21].

В основе оплаты труда в России лежит Минимальной Размер Оплаты Труда (МРОТ). В целом по России величина МРОТ изменялась достаточно динамично. Так, в 1998 г. эта величина составила 83,49 руб, 1 июля 2000 г.

– 132 руб., 1 янв. 2001 г. – 200 руб., 1 июля 2001 г. – 300 руб., 1 мая 2002 г. – 450 руб., 1 окт 2003 г. – 600 руб., 1 янв 2005 г. – 720 руб., 1 сент 2005 г. – 800 руб., 1 мая 2006 г. – 1100 руб., 1 сент 2007 г. – 2300 руб., 1 янв 2009 г. – 4330 руб., 1 июня 2011 г. – 4611руб., 1 янв 2013 г. – 5205руб., 1 янв 2014 г. – 5554 руб., 1 янв 2015 г. – 5965 руб., 1 янв 2016 г. – 6204 руб., 1 июля 2017 г. – 7800 руб., 1 янв 2018 г. – 9489 руб., 1 мая 2018 г. – 11163 руб., 1 янв 2019 г. – 11280 руб. [22].

Однако в региональном разрезе наблюдается гетерогенность регионов по величине МРОТ. Так, в России на 2019 г. средняя величина МРОТ определена 11280 руб. В ряде регионов введены региональные коэффициенты – например, северные в Мурманской области – 25675 руб., на Курилах – 31256,4 руб., региональные – в Москве, где МРОТ составляет 18742 руб., Московской области – 14200 руб. [23]. Очевидно, что даже региональные надбавки не обеспечивают достойный уровень жизни, а соответственно, не достигается уровень благосостояния граждан социально ориентированных стран.

В 2017 г. в большинстве регионов зарплаты бюджетников росли медленнее средней зарплаты по региону. Смягчение целевых ориентиров по уровню зарплат бюджетников позволило региональным бюджетам сэкономить около 200 млрд руб. В связи с майскими указами рост социальных расходов несколько замедлился. По результатам 2018 г. номинальная заработная плата в РФ выросла на 9,9%. Положительная динамика отмечалась во всех регионах, однако лидером стала Кемеровская область, где номинальная зарплата выросла на 14,4% (табл. 7).

Регионы–лидеры по приросту реальных денежных доход населения в 2018 г. Однако в 62 регионах отмечалось снижение реальных денежных доходов населения. Наиболее пострадавшими (-8%) стали Костромская область и в Ямало-Ненецкий автономный округ [24].

Таблица 7

Регионы-лидеры по приросту номинальной заработной платы, %

Регион	Прирост, % к аналогичному периоду предыдущего года
Республика Адыгея	109,1
Республика Крым	107,8
г. Севастополь	106,5
Республика Саха(Якутия)	103,3
Кабардино-Балкарская Республика	103,3
Тверская область	103,3
Республика Алтай	102,8
Чеченская Республика	102,5
Оренбургская область	102,4

Источник: Росстат.

Политика, проводимая государством в целях сглаживания социального неравенства, реализуется как из бюджетных, так и из внебюджетных средств. Важно эффективно определить прожиточный минимум населения и соответственно черту бедности. Для получения достоверной информации о реальных доходах населения существуют определенные трудности, поскольку значительную долю доходов россияне получают из теневого сектора [25].

Стремительное повышение МРОТ послужило причиной положительной динамики исполнения региональных бюджетов с профицитом. Так, анализ исполнения региональных бюджетов с 2007 г. по 2018 г. показал, что суммарно совокупный профицит исполнения бюджетов регионов составил 492 млрд. руб., причем в 2017 г. был дефицит в 15,5 млрд руб., а 2016-го – дефицит в 2,4 млрд руб. В 2018 году исполнению региональных бюджетов благоприятствовали сочетание макроэкономической конъюнктуры и государственных управленческих решений. В 2017 году профицит был в 70 регионах, а 2016 году – в 45. Совокупный дефицит регионов в 2018 году составил 59 млрд руб., что почти в три раза меньше показателя 2017 года.

Что касается регионального среза, то 27 регионов смогли перейти с дефицитного исполнения бюджетов на профицитное, 11 – снизили уровень дефицита, а у трех регионов по итогам года дефицит бюджета увеличился (Московская область, Хабаровский край и Сахалинская область). Республика Алтай и Амурская область по итогам 2018-го стали дефицитными, тогда как в предыдущем году имели бюджетный профицит [17]. Причиной роста доходов региональных бюджетов отчасти является рост налога на прибыль на 576 млрд руб., связанный не только с изменениями в законодательстве, но и с повышением цен на сырье, что обеспечило наполовину рост налоговых и неналоговых доходов регионов и 38% роста совокупных доходов. В 12 регионах, где значительная доля в структуре экономики приходится на добывающие и смежные отрасли, увеличение поступлений по налогу на прибыль отмечено более чем на треть. Прирост доходов региональных бюджетов, вызванный временными изменениями в законодательстве, имел место и в 2018 году. В 2017 году некоторые регионы не сохранили отмененную федеральную льготу по налогу на имущество и получили разовый прирост дохода по данному налогу. Регионы без явной зависимости экономики и налоговых поступлений от нефтедобычи, металлургического сектора или угольной промышленности показали более низкие темпы прироста налога на прибыль, за исключением Сахалинской области, где причиной снижения поступлений по данному налогу были изменения в законодательстве.

Расходы региональных бюджетов росли медленнее доходов, при этом отмечается сокращение инвестиций и ухудшение инвестиционного климата. Прирост совокупных бюджетных расходов региональных бюджетов

тов составил 11%, в то время как доходы бюджетов выросли на 16%. По итогам 2018-го прирост расходной части бюджета составил 1 трлн руб., а сформирован он был в основном за счет увеличения расходов на образование (+25%), социальную политику (+20%), дорожное хозяйство и ЖКХ, а также за счет роста трансфертов общего характера.

Особую роль в решении проблем социальной политики призваны сыграть национальные проекты – главная новация в бюджетной системе страны, определенная майским указом Президента РФ в мае 2018 года [1]. На их реализацию планируется потратить 25,7 трлн руб., в том числе 13,1 трлн руб. выделят из федерального бюджета, а 7,5 трлн руб. – из внебюджетных источников. Расходы регионов на нацпроекты составят 4,9 трлн руб. Еще 147,8 млрд руб. планируется предоставить из государственных внебюджетных фондов. На нацпроект «Демография» – 3,105 трлн руб., на проект «Здравоохранение» – 1,725 трлн руб. Расходы на проекты «Образование» оценены в 784,5 млрд руб. На развитие малого и среднего предпринимательства выделяют 481,5 млрд руб. На реализацию нацпроекта «Культура» заложено 113,5 млрд руб., на проект «Производительность труда и поддержка занятости» – 52,1 млрд руб. [26]. Мероприятия нацпроектов необходимо привести в соответствие с действующими госпрограммами. Их реализация позволяет ряду регионов совершенствовать социальную политику. Например, Нижегородская область реализовала свыше 1000 социальных программ в рамках проекта «Производительность и поддержка занятости».

Выводы

Анализ косвенных показателей показал, что недостаточное бюджетное финансирование социальной сферы субъектов РФ не является главной причиной региональных проблем. Важно обеспечить действенный мониторинг расходования бюджетных средств, усилить антикоррупционную борьбу, привлечь внимание и заинтересованность бизнеса и гражданского общества к развитию социального потенциала. Бюджетные средства в основном «концентрируются» в отдельных регионах или крупных городах и агломерациях. Эта тенденция представляет угрозу национальной безопасности страны. Полученные результаты оценки бюджетных расходов на социальную политику могут быть применены в рамках дифференцированного подхода к актуализации положений социальной политики любого субъекта РФ. Прогнозирование позволит определить необходимые направления изменения социальной политики региона страны с учетом обеспечения эффективного расходования бюджетных средств.

Заключение

Выделим важнейшие «болевы точки» социального ландшафта регионов.

– Россия отстает по ряду показателей уровня социального развития не только развитых, но развивающихся стран;

- оценка косвенных индикаторов социального развития показала, что важен мониторинг эффективности использования денежных средств, выделяемых на социальную сферу в регионах;
- усиливается дифференциация регионов по уровню социального развития;
- регионы не стали драйверами развития экономики в целом: укрепляются регионы-доноры, слабеют и беднеют регионы-аутсайдеры;
- недостаточное бюджетное финансирование не является главной причиной социальных региональных разрывов;
- прожиточный минимум не обеспечивает достойной жизни населения.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 27 мая 2019 г.).
2. Polterovich V.M. Designing the Strategies for Socio-Economic Development: Science vs. Ideology // JOURNAL OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION. 2017. № 3 (35). P. 198-206.
3. Гагарина Г.Ю., Дзюба Е.И., Губарев Р.В., Файзуллин Ф.С. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. 2017. № 4. С. 1080-1094.
4. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ (20 февраля 2019 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 27 мая 2019 г.).
5. Polterovich V.M. Transplantation of Economic Institutions // Economics of Contemporary Russia. 2001. № 3. P. 24-50.
6. Polterovich V. M. Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. No. 5. P. 34-56.
7. Dubovik M. V. Model of smart, sustainable, inclusive economic growth in the context of inequality in Russia // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. № 10 (2). P. 1704-1711.
8. Kiselkina O.V., Kharlamov A.V., Kharlamova T.L., Vunotropidi A.F. The increasing of quality requirements of state regulation of economy in solving of social tasks // Social Sciences and Interdisciplinary Behavior: Proceedings of the 4th international congress on interdisciplinary behavior and social sciences, ICIBSOS 2015. – Kazan Federal University, Kazan, Russia, 2016. – P. 425-427.
9. Бурдые П. Формы капитала. Пер. с англ. Экономическая социология. 2002. № 3 (5). С. 60–74.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий// Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
11. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. Пер. с англ. – М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.
12. Чередниченко Л. Г., Губарев Р. В., Дзюба Е. И., Файзуллин Ф. С. Прогнозирование социального развития регионов России//Финансы: теория и практика. 2018. № 22 (5). С. 132-152.

13. Дубовик М.В. Асоциальность российского бюджета// Современные проблемы хозяйственного развития с позиций экономической теории: монография / колл. авторов; под ред. Е.В. Устюжаниной, М.В. Дубовик. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – С. 211-233.
14. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
15. Доклад о неравенстве в мире. 2018. Основные положения. – WID.world. – URL: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (дата обращения 15.04.2019).
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. –1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.
17. Сдерживание роста социальных расходов сдвигает проблемы региональных бюджетов на 2018 год. Социальные расходы регионов и межбюджетные отношения в 2016-2018 годах. <https://www.acra-ratings.ru/research/195>.
18. Зубаревич Н.В. Отношения центр-регионы: что изменилось за четыре года кризиса? // Контрапункт. 2018. № 11.
19. Ориентиры развития российской экономики: Коллективная монография / Под ред. Е.В. Устюжаниной, М.В. Дубовик. – М., 2018.
20. Социальная ориентированность бюджетов регионов России – рейтинг 2019 / РИА-РЕЙТИНГ. РОССИЯ СЕГОДНЯ (обращение 07.07.2019). URL: <http://riarating.ru/infografika/20190528/630125306.html>.
21. Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. Performance-based pay – a new (mixed) payment scheme for Russian civil servants// Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 6. P. 163-183.
22. МРОТ с 1 января 2019 года: таблица по регионам// URL: http://fincan.ru/articles/98_mrort-s-1-janvarya-2019-goda-tablica-po-vsem-regionam/.
23. Rubinstein A.Y. Economic Crisis and the New Paradigm of Public Support of the Patronized Goods // JOURNAL OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION. 2015. № 2 (26). P. 264-269.
24. Рейтинг регионов по зарплатам. – 2018. – URL: <http://riarating.ru/regions/20181203/630113439.html> (дата обращения 12.04.2019).
25. Dubovik M. V., Gubarev R. V. Influence of human capital on innovative development of regions // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production / Proceeding of the International Science and Technology Conference “Far East Con-2018” Volume 2. – Vol. 139 of Smart Innovation, Systems and Technologies. – Springer Nature Switzerland AG Switzerland, 2019. – P. 112-118.
26. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/>.

Поступила в редакцию

18.08.2019

Дубовик Майя Валериановна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Dubovik Maya V. – Doctor of Economics, Professor in the Economic Theory Department of Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), Moscow, Russia.

Губарев Роман Владимирович – кандидат экономических наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Gubarev Roman V. – Candidate of Economics, Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), Moscow, Russia.

Россия, 117997, г. Москва, пер. Стремянный, 36
Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997, Russia
e-mail: mvdubovik@gmail.com